ЕКАТЕРИНА ТАУБЕР

НЕЗДЕШНИЙ ДОМ

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА СТИХОВ

1973

ЕКАТЕРИНА ТАУБЕР

НЕЗДЕШНИЙ ДОМ

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА СТИХОВ

1973

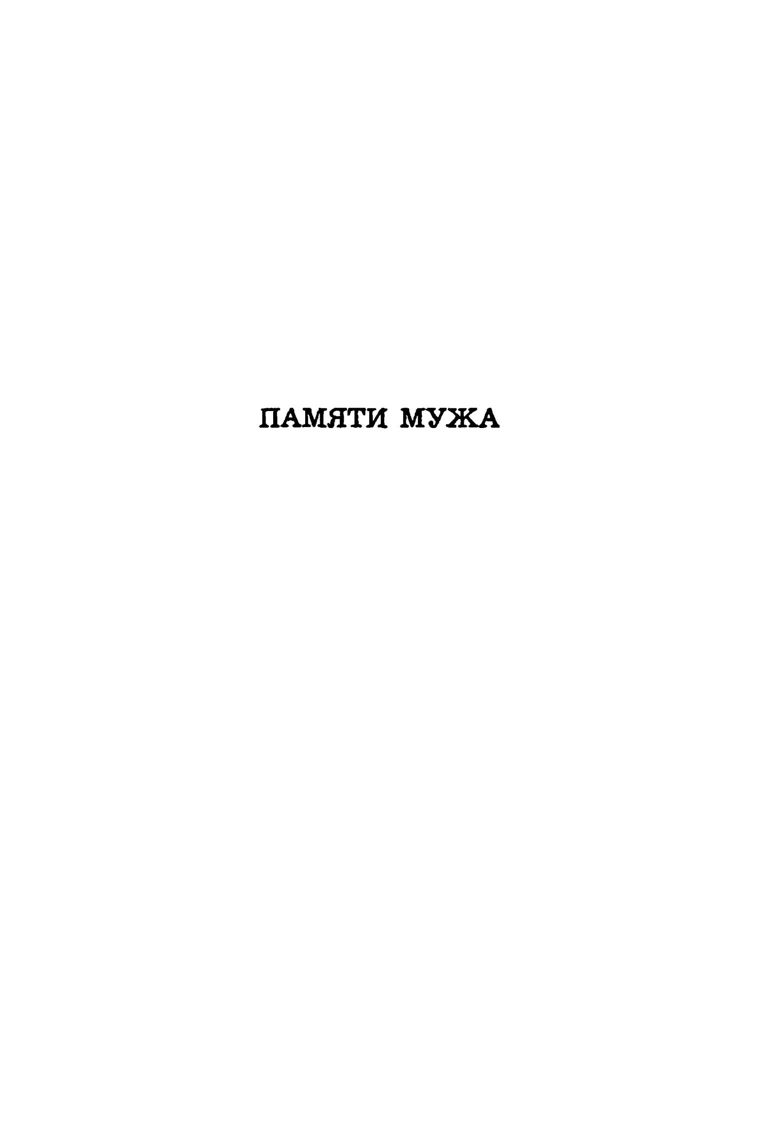
ТОГО ЖЕ АВТОРА:

«ОДИНОЧЕСТВО», Стихи 1935. Распродано;
«ПОД СЕНЬЮ ОЛИВЫ». Стихи 1948;
«ПЛЕЧО С ПЛЕЧОМ». Стихи 1955.

Herausgeber: C. Tauber.

Gesamtherstellung: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.

Printed in Germany

ПАМЯТИ МУЖА

Не скажешь любящим: «Забудь.
Она не стоит . . . он не стоит . . .»
Ведь в муке, раздавившей грудь,
Быть может, самое святое.

Им не избыть ее вовек.
Они ее приносят Слову,
Как выкуп. Счастлив человек,
Здесь ставший выкупом другого!

Что знаем мы о них, прошедших с нами рядом
Большой и трудный путь, безропотно, в тиши,
Не выдавших себя ни жалобой, ни взглядом —
Простосердечием распахнутой души?

Что можно разгадать в небрежнейших намеках,
В молчаньи зреющем, в подчеркнутых стихах
О счастье и о том, что до него высоко,
Что «синей птицей» лишь . . . Да что о пустяках!

И недосказанность душе невыносима,
Когда ответа нет, и некого спросить,
И шаришь, как слепой, то около, то мимо,
Осколков не собрав, чтоб все соединить.

Море цвета серебра и стали.
Парусник. Закат.
Мы с тобой давно другими стали,
Мы устали, брат.

Все молчать, улыбкой прикрывая
Годы дум и мук.
А душе нужна душа живая
На путях разлук,

Чтоб отдать нательный даже крестик,
Даже детства клад,
Чтоб глядеть, не отрываясь, вместе
На морской закат.

Когда последний дачник с парохода
Платком помашет, покидая юг,
И опустеет пристань на полгода,
И жизнь войдет в определенный круг, —

Безлюдные тогда дичают горы.
И вот бредешь с утеса на утес, —
Дождей осенних слушать разговоры.
Недоуменье. Жалобу. Вопрос.

И летописи летних дней листая,
С непоправимым встреч не избежать.
Все повесть усложняется простая,
Ее стереть — не жалко жизнь отдать.

К неведомому близишься с боязнью:
Душа и осень нынче заодно.
И северное небо неотвязней
Заглядывает в южное окно.

НАШ ДОМ

Он — детище игры, любви, досуга,
Неистощимой творческой мечты
С настойчиво-нетерпеливым: «Буди!»
Ненужное не пустит в нем ростки,
Пядь каждая — лишь памятка о чуде.

Скитанья, книги, вешний пир земли, —
Все, что позвало и остановило, —
К его порогу руки донесли,
Как утешенье в горький день унылый.

Ты видишь дверь? Читали сказку мы
Про братьев гномов тайное жилище . . .
Соседей двери, словно дверь тюрьмы,
А наша . . . И во сне такой не сыщешь!

В мое окно гляжу я вновь и вновь.
И юность в нем, и лунная дорожка.
В бессмертный час по ней пришла любовь
К иному, бедному окошку.

Большой ковер — цветущие луга,
Исхоженные в детстве босоногом.
Их смыла ночь. Их занесли снега.
Не занесут за этим лишь порогом!

ИЗ ДНЕЙ ВОЙНЫ

Храня табак в коробке от халвы,
Скромнейший „gris" — и тот ты экономил.
Затяжки две, шуршание травы,
И быстрый шаг, и смех, как ветер в поле.

Всегда в движеньи, в радостном труде,
Усовершенствуясь, презревши неудачи,
Влюбленный в жизнь, ты словно шмель гудел,
Как тот в деревне, на отцовской даче.

А я сидела где-нибудь на пне
С починкой, иль вязаньем бесконечным.
Стихи, как тучки, проплывали вне,
Вдруг разражаясь ливнем быстротечным.

И мы читали вместе, притаясь
В густой тени, то радуясь, то споря . . .
Двух жизней ненарушенная связь,
Ты над разлукой, старостью и горем.

Здесь травы сухие сжигают зарею, —
Восходит прозрачный дымок.
Окно моей спальни пошире открою, —
Большое окно на восток.

И запах костра, и травы, и деревни,
Как память утерянных дней,
Где столько любви и печали, и терний,
И нежности мудрой твоей.

Слушай долгою ночью, как ливни идут,
Размывая дороги, замывая следы
Тех, что больше сюда никогда не придут
Поглядеть на надежды свои и труды.

А пришли бы, не скажут, что сад одичал,
Что давно не протерто большое окно.
Тот, кто долго боролся один и устал,
Понимает, как трудно бороться одной.

Только светлое слово услышишь опять, —
(Тем словам не забыться, не перевестись)
Невозможное можно с тем словом принять
И тебе улыбнуться, жизнь.

«Дом освещается солнцем, любовью,
Тихим течением дней . . .»
Так я писала, покинутость вдовью
Не сделав еще своей.

Воспоминанья пыльцой драгоценной
Тронут тут каждый предмет.
Можно ль отсюда уйти без измены,
Будущему во след!

Ты поднял руку на прощанье
И ринулся мотоциклет
За поворот. За «до свиданья».
За все, чему «названья нет».

И у калитки, над которой
Шуршанье листьев, звездный свет, —
Я знака жду и разговора,
И зов с неведомых планет.

Мы в горы шли вдвоем, по бездорожью,
Руслом ручья и по лугам альпийским,
И было все кругом ничье и Божье,
И каждый камень нам родным и близким.

И ты ушел вперед, а я отстала, —
Ты был всегда стремительный и легкий —
И солнце темно-розовым кораллом
Растаяло. Сгущалися потемки.

Но я дойду! Я отыщу по звездам
Твой путь туда, к сияющей вершине.
Пусть минул день, но ведь еще не поздно, —
Я не боюсь ни ночи, ни пустыни.

То еле слышное «спасибо»
За лучшие земные дни,
(Сквозь задыхание и хрипы,
Когда мы все одни, одни . . .)
На койке, в нищенской больнице,
Я вечно в сердце сберегу.
Пусть мне оно еще приснится
На том иль этом берегу.

Есть дни, когда всего дороже
В давно минувшее вглядеться,
На зов откликнуться дорожный
Ответным зовом в новом сердце.

Враги? — Их нет и не бывало!
Друзья? — Но с целым миром в дружбе
Теперь подходишь к перевалу,
У всех и у всего на службе.

Смириться, до конца принять
И отреченья благодать,
И скорби посланную милость.
Она свечею засветилась
В сырых пещерах катакомб.
Туда прийти, как в тихий дом
Из коридоров Колизея,
Очнувшись, до конца трезвея . . .
И там, где каменный алтарь,
И знаки рыб окрест, как встарь,
С гонимыми соединиться,
Перенестись — ведь нет границы!

Тот лай собак по вечерам в деревне,
Курчавый дым из закоптелых труб,
Твердят душе еще о жизни древней,
О верности забытой рук и губ;

О сдержанных обетах, о величьи
Единственной, несрочной и живой . . .
О всех, о всех, не знавших безразличья
До старости, до грани гробовой.

Ложатся спокойные важные тени.
Тропинка. Затерянный след.
На каменных, треснувших, древних ступенях
Вечерний торжественный свет.

Кто жил в этом доме? Распахивал ставни?
Ждал и́з лесу стадо назад?
Как нежно звенели копытца о камни,
Летел колокольчиков град.

Веками все крепко и прочно стояло
И прадед для правнуков строил дома
И тешился мыслью: начнется сначала —
Любовь. Примиренность. Зима.

Мне больно, что этого больше не ста́ло,
Что скоро придут этот дом сломать . . .

Лицо — послушная глина.
Всю жизнь мы лепим себя,
Пленясь образцом старинным
В большой мастерской бытия

Иль вовсе ничем не пленяясь,
Лишь глядя со стороны,
Как ты или я меняюсь
От этой до той весны,

Пока то любовь, то злоба,
— Как будто взмахом резца, —
Кладет отпечаток до гроба
В улыбку, в морщины лица.

Когда же года и потери
Источат, изрежут лик, —
Смерть — мастер среди подмастерьев —
Положит последний штрих.

Окно выходило в чужие сады,
Закаты же были, как вечность, ничьи —
Распахнуты Богом для всех.

И думал стоявший в окне человек:
«Увянут сады, но останется крест
Оконных тоскующих рам

И крест на могиле твоей и моей,
Как память страданья, как вечная дверь
В распахнутый Богом закат».

Остановка в пути. Тишина.
Или поезд наш в поле забыли?
Или снова отсрочка дана?
О, как много мучительных «или»!

По откосам ромашки цветут,
Много птиц, как когда-то в ковчеге...
Может быть, уцелеем мы тут
И колеса крестьянской телеги

Повезут по зеленой меже
На окраину гнева и мести,
Если только не поздно уже
И не ждет за околицей вестник.

Стихи пришли некстати, на ходу
Меж чинных заседаний, конференций.
Они как вязкий пряник на меду, —
И радуешься кашлю, инфлюенце,

Чтоб только дома на́долго засесть,
Смотреть в окно, где навалило снегу,
И радоваться. А чему? — Бог весть.
Быть может ритма санного разбегу,

Иль воробьям, друзьям, озорникам,
Что все садятся рядом, на мимозу.
А святки медленно подходят к нам,
Чуть разрумянившись с морозу.

Хмурой осенью или зимой
Провожали часами домой
И читали стихи в подворотне,
Сотни раз повторенные, сотни.

И от тех обреченных стихов —
От Пандориных страшных даров, —
Сердцем странствовали впустую,
Сквозь отчаянье и поцелуи.

Вечной памятью — только имя,
(Как просторов родных печать),
Да глаза голубые . . . С другими
Разве можно эти смешать!

Захлестнуло чужое море,
Обезличил чужой язык.
Лишь в расшитом крестом узоре,
В дикой пляске, песне — на миг
Промелькнет . . . И опять впустую
Жизнь влачится, как серый дым.

А порою — на мостовую
С небоскреба: в соблазн другим . . .

То Россия томит, бунтуя,
Бесполезным наследьем твоим.

Твой чекан, былая Россия,
Нам тобою в награду дан.
Мы — не ветви твои сухие,
Мы — дички для заморских стран.

Искалеченных пересадили,
А иное пошло на слом.
Но среди чужеземной пыли —
В каждой почке тебя несем.

Пусть нас горсточка только будет,
Пусть загадка мы тут для всех —
Вечность верных щадит, не судит
За святого упорства грех.

Береза тихая с атласною корой,
Пугливая, как девушка без спеси,
Стоит над тропочкой, разморена жарой,
И ветви тонкие в густой орешник свесив.

Вокруг кустарники, лесной, чуть пряный дух
Несобранных грибов и поздней земляники.
Присяду здесь на пня изборожденный круг,
С высокой палкою прохожего-калики.

Как много хочется березе той сказать,
Как странно перед ней, пугливейшей, робею.
За ней, невидимо, в глаза глядит мне мать
И тянется ко мне, а подойти не смею...

Приемышам чужих найти ли нынче мост
К лесным и детским дням, к лукошечку с грибами
И странникам, что шли с иконой на погост —
К отцам и дедам шли с заботами, скорбями...

. . . .

И мне б теперь туда древнейшими тропами!

Иконостас, где вырезаны лозы
И виноград, завещанный Ему...
Как хорошо, что набегают слезы,
Что я вернулась к детству своему
И в городе с веселыми ванька́ми, *
Где робкий холм «Холодная гора»
Казался мне горою над горами —
Крещенской вьюжной глыбой серебра,
Иду опять «за ручку» в церковь с няней.
Светящаяся старческой красой,
Она торопится к обедне ранней,
Зовет меня «лисичкой» и «лисой» —
Нет, не за хитрости! — за локон рыжеватый
За пышный плащ распущенных волос,
Что дома все, и кстати, и некстати,
Прозвали: «Патрикеевича хвост».
Потом стоим, безмолвные, в притворе.
Кругом платочки: все рабочий люд.
К недугующим, плавающим в море
И к птицам, что «не сеют и не жнут»,

---

* «Ваньки» — одноконные извозчики в Харькове.

Уносишься, еще не понимая...
Оглянешься на няню, а она,
Как под венцом, торжественно-прямая,
Стрелой легчайшей ввысь устремлена.

. . . .

Все минуло... Но не ее ли ради
Любовь и дружба мне давали кров?
И не она ль, вот там, меж виноградин
Иконостасных лоз? Святых садов?

Узнали мы во дни войны,
При свете слепнущей коптилки,
Поэзию невзгод и ссылки
И виноватость без вины.

Мы пережили нищеты
Блаженный и нелегкий опыт
И были бедностью горды,
Как расточители и моты
Великолепием былым.

А нынче, глядя издалека
На дни, затравленные роком,
Мы снова с прошлым говорим.
И сразу к нам спешат созвучья
Кочевий, неблагополучья . . .

И мы так благодарны им
За связь с ушедшим и живым.

В КАФЕ

Висит на вешалке пальто,
Одно плечо задрав высоко.
Играют старички в лото
И воды пьют с фруктовым соком.

В огромном зеркале живет
Такое же кафе — второе.
Бутылок армия в поход
Идет, давно готова к бою.

Поэт за столиком стихи
Строчит, давно уже не видя
Ни улицы — большой реки,
Ни пьяницы над блюдом мидий.

Он тоже ринулся в поход,
Стихи ломает, как валежник,
Чечеткой ритма колет, жжет,
На мир обижен и рассержен,

Стихии мстительной открыт . . .
Звезда ж заката и рассвета,
Как мать, как женщина глядит
Все жалостливей на поэта.

Хорошо лежать в постели,
Мыслью странствовать без цели,
Слушать: дождь шумит.

Печь гудит, играет пламя
На стене, а рядом с вами
Кот, свернувшись, спит.

Он — разбойник, он — бродяга,
За проказы, за отвагу
Возвеличен. Бит.

Но приходит осень, старость,
Ласки хочется хоть малость,
Дорог свой порог.

Вот пришел, чтоб тихой песнью
Рассказать кошачьи вести —
Все, что смог, не смог . . .

Мне ль его не слушать песни —
Жизни эпилог!

СТИХИ О ЧАЙНИКЕ

Есть вещи — верные друзья,
Сопутники, опора.
О, печка добрая моя,
Тепла источник скорый!

Затопишь — чайник зашумит
Большой, с примятым боком,
Товарищ странствий, инвалид,
Все выслуживший сроки.

Ну, как расстаться мне с таким? —
Он шумных встреч свидетель,
Когда, под папиросный дым
И споры, чай друзьям моим
Варила на рассвете.

Одни — в могиле, а других
Тюрьма усыновила.
На край земли ведет живых
Дух беспокойнокрылый.

А ты все рядом, ветеран,
Ворчун неисправимый,
На много дней, на много стран,
Чредой бегущих мимо.

Все было б, возможно, иначе.
О, если б вернуться, вернуть!
Вот в памяти смутно маячит,
Сквозь песни кабацкие, — путь.

Неправда, что вечер, что поздно,
Что ты только пьяный барон,
Над жизнью мучительной, грозной
Увидел сияющий сон.

Твои загрубевшие руки,
Твой горький потерянный взор.
Под песню о вечной разлуке —
Подруги накрашенной вздор.

Все было б, возможно, иначе . . .
Нет, не было б! Лучше не лги!
Была не по силам задача.
А ночь только дразнит удачей
И вновь замыкает круги.

ЗАТИШЬЕ

Прелестны дни и куст прелестен белый
На пустыре, где солнце припекло,
Где только мошки кружат ошалело,
Где, как алмаз, разбитое стекло.

Где тайну мест блаженно-нелюдимых
По-матерински лето стережет
В той свежести утерянной, любимой,
Что раем человек зовет.

В двух шагах от меня, у дороги,
Осень табором стала опять.
Как цыганка стоит у порога,
Хочет мне по руке погадать.

А о чем нам гадать? Листопадом,
Днем сегодняшним счастливы мы.
Над судьбой завершенной, над садом
Реют вестники близкой зимы.

Исхоженные рытвины твои,
Проселочная робкая дорога,
Пучки травы, причуды колеи,
Мне дороги неспешностью пологой,

Ведь сохраниться только тут могли
Сарайчики, впадающие в детство,
И с ними липа — чудо той земли,
Прадедушкино пышное наследство.

Она расскажет мне, под птичий гам,
Про перелетов строгие уроки
И мы разделим с нею пополам
Все страхи остающихся, все вздохи.

И легкий лист на руку упадет —
Ее слеза закатно-золотая,
И будет легче мне идти вперед,
По выбоинам бережно ступая.

Порозовела на закате
За день нагретая стена,
Широкий двор на горном скате,
Тележка с сеном у окна.

Как будто бы вином плеснули
На села мирные кругом, —
И вот скудеет жизни улей,
Румяней каравая дом.

Склонись теперь на камень белый.
День отлетает, завершен
Рукою любящей, умелой . . .
Стада вернулись. Хлеб спечен.

Сверчки бушуют и звенят
И стадо близится к овчарне;
И девушка простой наряд
Цветком украсила для парня.

И вижу молодость мою —
Такую ж робкую, простую.
И плачу в горном я раю,
Лицо забытое целуя.

Что проще этого? — Спят ведра на колодце
И полотенце сохнет на сосне.
Плеснуть водой, нагретой крепким солнцем,
Обмыть лицо и руки в полусне.

Подняв глаза, увидеть сад и небо,
Где облака блуждает островок.
Сесть на скамью. Ломоть отрезать хлеба
И сыра козьего кусок.

Взять на руки щенка, чтоб не кусал за ноги,
И в шерсть густую пальцы погрузить.
И вместе с ним быть лишь одной из многих,
Над кем еще дню летнему светить.

ВАЛЬБОН

Шершавится скамья, омытая дождями,
Пятнистый густ платан у входа в городок,
Что на ладони весь и курится дымками.
Он каждому раскрыт — ни слова между строк.

Крутые улочки на площадь, как девчонки,
Торопятся, бегут — на все бы поглядеть.
Их будничный наряд опутал пояс тонкий
Герани огненной и роз янтарных сеть.

А с колокольни даль: холмы и виноградник,
И статуя Христа на стыке двух дорог.
О, милых прежних дней несокрушимый праздник.
Кто здесь тебя для нас нетронутым сберег!

Развалины овчарни. Щедрость лета
На голубой лавандовой поляне,
И голубое половодье света —
Теперь вы только вздох воспоминаний!

А помнишь шалые велосипеды?
Как, замирая, было сердце радо
Войти навек собратом и соседом
В непрочный быт твоей робинзонады,

Где каждый миг значения исполнен,
Где собеседники созвездия и книги,
Где, словно праздник, проплывает полдень
И нужно с плеч лишь повседневность скинуть.

Ту чашу синюю залива
Не выпить и не расплескать
Одним рывком, одним порывом,
Когда тоска, когда в тисках.

Она ничьей не станет данью,
Она, как дар, порой дана
Лишь отреченью, созерцанью —
Глотком лазурного вина.

Кто-то коврик трясет в окне,
Машет пестрым узорным флагом
Новых царств, неизвестных мне,
С корабля с разноцветным благом.

Хорошо бы к нему подплыть,
Познакомиться с ним поближе,
Как лоза, что пришла завить
Эти стены до самой крыши.

И изрытый оспой фасад
Словно в бусинах весь чернильных:
Все мельчает здесь виноград,
С виноградников солнечных — ссыльный.

Как он льнет к голубому окну,
Как глядится в него — соглядатай!
Любопытно и мне и ему —
Мы сегодня родных два брата.

Задворки. Черепичной крыши
Подернутый загаром скат.
Он греется, смуглеет, дышет,
Он разомлевшей кошке рад.

А беспорядочная груда
Обрубков, веток, мелких дров
У стенки солнечной, как чудо
Нерукотворных очагов.

Нищая, в заплатах, кухня,
Выщербленный пол.
Шкаф не скрипнет, дверь не стукнет,
Дремлют стулья, стол.

Тишиною руки полны
И сады, и дол, —
Праздника большой подсолнух
Под окном расцвел.

ПАМЯТИ СТАРОЙ КРЕСТЬЯНКИ

Светился огонек в долине,
Светало медленно вдали.
С последней думою о сыне
Ты уходила от земли.

Он рядом спал. Трудом тяжелым
Был утомлен. Ты не звала.
Ребенком вспомнила веселым
Вот тут, у этого стола.

Твой старый дом: в нем столько было . . .
Как миг один прошли года.
Трудилась, мучилась, любила . . .
Теперь покой. И навсегда.

Лишь первозданное, простое —
Деревья, воды и холмы
Незыблемо стойт и сто́ит
Поклона, памяти, хвалы.

Во дни обид, во дни потери
Ценить научится душа
Бесхиторстную ласку зверя,
Приют лесного шалаша.

И утра росное касанье,
И шепот ивы — прасестры:
Дары, что нам даются втайне . . .
О, неприметные дары!

Расцветали стихи, как цветы,
Чтоб печальную скрасить дорогу,
Полевые — предельно просты
И тепличные — с тайным подлогом.

Недоцветший и смятый букет —
Это все, что осталося с нами.
Это наш неумелый ответ
На допросе, что длится веками.

Мы идем с тобой через весь Париж.
То стихи прочтешь, то опять молчишь.

В этот тихий час, предрассветный час,
Жизни жесткий перст не коснется нас.

Сколько лет прошло между этих стен!
Отшумел давно ветер перемен, —

Стало песней все, песней и стихом —
Мы воздвигли здесь наш нездешний дом.

СОДЕРЖАНИЕ

